

А. А. Асипцова

Науч. рук. – И. Б. Азарова, ст. преподаватель

**«СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»:
ПРИРОДА ФАНТАСТИЧЕСКОГО
И ОБРАЗ КРАСНОЙ СВИТКИ**

В статье исследуется природа фантастического на материале повести Николая Васильевича Гоголя «Сорочинская ярмарка» из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Изучается роль фольклорных мотивов, способы создания атмосферы двойственности. Мастерство в достижении эффекта зыбкости привычного мира раскрывается через использование арсенала бытовых деталей и народных поверий. Выявляется философский подтекст повести, связанный с природой страха и его способностью влиять на реальность.

Повесть «Сорочинская ярмарка» начинает сборник и занимает центральное место в нём, выступая в роли увертюры, предвосхищая и развивая ключевые темы последующих повестей. В ней читатель впервые сталкивается с характерным для Гоголя смешением ярмарочного веселья и предчувствия тревоги – это сочетание станет узнаваемым знаком его романтизма. Несмотря на то, что ярмарка сама по себе является праздничным, шумным и многолюдным событием, в которое писатель с явным наслаждением погружает читателя, описывая торговлю, музыку, песни, яркие одежды и говор толпы, и кажется, что ничто не предвещает несчастья, уже в начале повествования возникает образ «проклятого места», где проходит торжище. Эта деталь, конечно же, совершенно не случайна: пространство ярмарки оказывается двойственным, обманчивым, оно одновременно манит своей жизнерадостностью и хранит отголоски некоего древнего, тёмного события.

Центральным элементом повествования является таинственная «красная свитка» – предмет, вобравший в себя весь народный ужас [1]. Согласно поверью, это одеяние, брошенное чёртом, и даже будучи разорванным на куски и разбросанным по свету, оно продолжает приносить несчастья. Но Гоголь акцентирует внимание на том, что сама по себе свитка – это всего лишь обыкновенная ткань. Однако в народном сознании ей приписывается сверхъестественная и демоническая сила. Таким приёмом писатель тонко подмечает здесь ключевую особенность фольклорного мышления: вещь, однажды осквернённая нечистой силой, даже будучи уничтоженной, всё ещё продолжает и будет продолжать

источать зло. Хотя это и не подчиняется логическому и рациональному, но в этом и есть суть мифа, потому что в нём всегда предмет и его символическое значение неразделимы.

Не только форма, но и красный цвет свитки несёт в себе весомое значение, потому что это цвет, подобный разлитой крови или пылающему пламени; это цвет, который символизирует черту, границу, за которой простирается неизведанное и тихо поджидает зло. Именно поэтому в народных поверьях красный часто служит знаком запрета и предвестником неминуемой опасности. Свиток, который облачён в цвет с такой символикой, тем самым выделяется из обыденности, «кричит» о своей непринадлежности к привычному людям миру. Он не может остаться незамеченным для людского взора, но и уничтожить его невозможно, потому что тот вновь и вновь возвращается, неустанно напоминая о своём присутствии.

Примечательно, как Гоголь выстраивает отношение к фантастическому в этой повести, он показывает читателю совершенно иной опыт по сравнению с «Вечером накануне Ивана Купала». Например, там нечистая сила предстаёт в образе конкретного персонажа – басурмана, но здесь зло не имеет чёткого лица. Чёрт не является действующим лицом, его присутствие ощущается лишь через какие-то слухи, намёки и череду необычных совпадений. Такой подход делает повесть ярким примером «фантастики неопределённости» [1], термина, который был предложен Ю. Манном. Поэтому читатель не до конца понимает, было ли происходящее чем-то действительно сверхъестественным или же это результат разыгравшегося воображения и алкоголя.

Неясность, царящая в произведении, порождает завораживающий художественный результат. С одной стороны, Гоголь даёт нам достаточно оснований для веры в реальность проклятия, описывая, например, как чёрт проиграл свиток в шинке, как его разрезали, и как фрагмент в итоге оказался на ярмарке – всё это изложено с такой подробностью, которая и свойственна фольклорным сказаниям. Но, с другой стороны, все события, которые происходят с героями, легко объясняются вполне обыденными и рациональными причинами: испугом, употреблением алкоголя или тем же желанием разыграть Черевика. Благодаря этому приёму Гоголь удачно держит читателя в состоянии ожидания и напряжения.

Важный момент и в том, что Гоголь демонстрирует и описывает страх как нечто почти материальное, физическое, как что-то, что способно распространяться, словно зараза, от одного человека к другому. Например, в эпизоде ночного блуждания Черевика и его кума по базару, писатель детально описывает, как их охваченное паникой и перепуганное воображение рисует жуткие образы: от «страшных рож» до довольно

навязчиво мелькающей красной свитки, которая неотступно преследует их [2]. Гоголь прибегает к гиперболе, демонстрируя читателю, как страх настолько овладевает героями, что они просто перестают отличать реальность от вымысла и видят то, чего на самом деле и не существует. В итоге Черевик падает без чувств, и даже образ собственной жены, которую он в полубреду принимает за порождение тьмы, становится для него источником невыносимого ужаса.

Фольклорные корни повести отчётливо прослеживаются и в её завершении. Свадьба – это излюбленный финал для сказок и преданий, где в итоге торжество жизни и порядка над хаосом и страхом воплощается в свадебном пире и всеобщем веселье. Однако Гоголь решил внести в такой традиционный для фольклора финал тонкую ноту сомнения, он разбавляет его иронией. Читатель прошёл вместе с героями через пережитый ими ужас и не может полностью избавиться от ощущения какой-то недосказанности. Пусть красная свитка и оказалась лишь старой вещью, но порождённый ею страх был вполне реален и продолжает волновать читателя даже после прочтения повести.

Таким образом, в «Сорочинской ярмарке» Гоголь демонстрирует важную особенность своего стиля: фантастическое не обязательно должно быть существующим, чтобы оказывать влияние на реальность. Иногда вполне достаточно лишь слуха, намёка или смутной памяти о проклятии, чтобы привычный уклад жизни нарушился, а ярмарочное веселье обернулось всеобщей паникой. Как и герои, читатель в итоге остаётся в неведении: была ли свитка на самом деле или всё лишь плод их воображения? Именно эта неопределённость, двусмысленность и формирует суть гоголевского «страшного» – оно коренится не только в монстрах, а ещё и в том, что разница между реальным и воображаемым становится призрачной, а привычный мир – пугающе незнакомым.

Список литературы

- 1 Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – М.: «Coda», 1996. – 474 с.
- 2 Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород / Н. В. Гоголь. – Минск: Народная асвета, 1980. – 351 с.